

УДК 821.161.1(474.2)

Е. И. Костанди

СПЕЦИФИКА ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИК В СИТУАЦИИ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ*

Статья представляет собой часть проекта, посвященного специфике языка русской диаспоры современной Эстонии, в аспекте взаимодействия русского и эстонского языков. Рассматриваются дискурсивные практики, обусловленные постоянным контактом эстонского и русского языков. Взгляд на ситуацию со стороны русистов пополняет представление о некоторых особенностях функционирования современного эстонского языка.

Ключевые слова: русский язык, диаспора, языковые контакты, эстонский язык, дискурсивные практики.

В течение примерно последних двух десятилетий исследователи неоднократно отмечали, что один из активно изучаемых сегодня аспектов функционирования русского языка – это описание его в условиях диаспоры, выявившее более или менее явную специфику русской речи у жителей Латвии, Армении, Литвы, Грузии и других стран постсоветского пространства и так называемого дальнего зарубежья. Проявление политического, экономического, социального, технического и иного характера действительности перед распадом Союза и в постсоветский период неизбежно отразилось в речи русской диаспоры и обусловило большую вариативность русского языка. В Эстонии русский язык тоже приобрел свою специфику под воздействием и экстралингвистических факторов, и ситуации постоянных языковых контактов. Описание специфики языка диаспоры стало основной задачей исследователей уже в 1990-е гг. Несколько позже период фиксации и систематизации специфических черт речи диаспоры сменился стремлением специалистов к обобщению и рассмотрению зафиксированных особенностей с точки зрения более общих лингвистических проблем, таких как вариативность языка, нормативность, характер номинации, прагматика, виды речевых жанров / дискурсивных практик и др.

* Статья представлена на Международной научной конференции «Uralo-indogermanica», посвященной лингвисту Р.-П. Риттеру (1938–2011). (16–17 октября 2014 г., Нарвский колледж, филиал Тартуского ун-та.)

Как же используется русский язык в современной Эстонии? В соответствии с действующим Законом о языке, государственным языком в стране является эстонский, другие языки считаются иностранными. По данным последней переписи населения по состоянию на 31.12.2011, в стране проживало 321 198 русских; русским языком как родным пользовались 383 062 человека (29,5 % населения страны). Среди русских в Эстонии примерно 37 500 – так называемые старожилы, то есть потомственные граждане, чьи родители жили здесь еще до Второй Мировой войны, во время первого периода существования самостоятельной Эстонской Республики. Сейчас основную часть русского населения составляют люди, приехавшие в страну после войны, или их потомки.

За последние два с небольшим десятилетия русский язык в Эстонии, разумеется, утратил ряд функций, однако более или менее активно он используется в таких областях, как СМИ, образование, культура, экономика, наука, официально-деловая сфера, бытовое общение. Более полная характеристика распространности русского языка и его изучения с 1990-х гг. и до настоящего времени приводится в [8, 9, 11], поэтому, не останавливаясь на данном вопросе, отметим лишь некоторые важные моменты.

Степень представленности русского языка в разных функциональных сферах, постоянное сосуществование двух, а порой и нескольких языков, упоминавшиеся выше политические, социальные, экономические, культурные, бытовые и иные реалии формировали и продолжают формировать специфику местного русского языка. Однако не только он испытывает влияние факторов, обусловленных сосуществованием языков, но и эстонский не может этого избежать, на что мы еще обратим особое внимание, однако начнем с «эстонского русского».

Начавшееся в 1990-е гг. изучение языка русской диаспоры Эстонии осуществляется на разнообразном материале: СМИ (газета, радио, телевидение, Интернет), реклама, тексты прикладного характера (буклеты, этикетки, программы мероприятий и т. п.), разговорная речь, официально-деловые тексты, диалектный материал, общение в интернет-среде, мемуарная и художественная литература и др. В нем в первую очередь очевидны признаки влияния эстонского языка (и шире – ситуации двуязычия в целом), а именно: **иноязычные вкрапления** в русской речи, – что неоднократно становилось предметом изучения, начиная с фиксации первых немногочисленных, а затем все более частотных вкраплений и заканчивая их анализом с точки зрения общих вопросов номинации, референции, прагматики, переключения кода и т. д. В письменных текстах иноязычные вкрапления часто передаются латиницей, использование которой обычно обусловлено необходимостью установления однозначной референции. В устной речи вкрапления представляют неизменные или частично русифицированные эстонизмы. В приводимых далее примерах сохранена орфография оригинала; в случае устной речи – автора расшифровок: *Дополнительные вопросы о вступающих в силу с 01.07.2009 изменениях в выплате компенсаций по нетрудоспособности можно задать Eesti Haigekassa* ('Больничная касса') *по электронному адресу <...>* (сайт Министерства социальных дел Эстонии); *Postimees* ('Почтальон') *на русском языке* (название газеты); *Фестиваль Klaaspärlimäng* ('Игра в бисер') 2011 (афиша); *Да лепинг* ('договор') *подписать надо* (разг. речь). Использо-

ние отдельных вкраплений можно рассматривать как примеры **переключения кода**, характерного для ситуации языковых контактов. Кстати, своеобразное переключение кода происходит и в ситуации общения с русскоговорящими из других стран, когда приходится избегать употребления специфически местных наименований, непонятных собеседнику.

К особенностям языка диаспоры относится и распространенность заимствований, в первую очередь, как показывает анализ материала [4, 17], так называемых скрытых заимствований: обычно это **кальки** и **полукальки** эстонских сложных слов или словосочетаний. Распространенность калькирования в «эстонском» русском привела к появлению ряда устойчивых атрибутивных словосочетаний-наименований: *личный код, материнская зарплата, основная школа, семейный врач, больничная касса, налоговый департамент, касса по безработице, физическое лицо-предприниматель, целевое учреждение, прямое платежное поручение* и др. Наряду с уже устойчивыми наименованиями такого рода, в живой письменной и устной речи постоянно появляются и используются также другие калькированные единицы.

Специфика языка, а точнее, речи диаспоры, наиболее очевидна в области **графики** и **лексики**, отчасти и **синтаксиса**. При взгляде «с эстонской стороны» заметим, что эти аспекты в наибольшей степени испытали влияние эстонского языка. Вместе с тем есть и более «скрытые» проявления специфики языка диаспоры, обнаружение которых требует анализа объемного и разнородного материала [7]. Так, в речевой деятельности, в том числе в условиях диаспоры, формируются черты, проявляющиеся не в отдельных языковых единицах и их признаках, а в том, что в самом общем виде можно охарактеризовать как коммуникативный, прагматический и когнитивный аспекты.

Местную специфику отражают и разнообразные дискурсивные практики. Если под дискурсом в целом понимать «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их создания <...> – речь, «погруженная в жизнь» [20. С. 136–137], то анализ дискурсивных практик предполагает учет всех названных факторов. Однако в конкретном исследовании центром внимания могут быть лишь некоторые из них, в нашем случае – ситуация языковых контактов.

Как уже отмечалось ранее, новые дискурсивные практики, актуальные для современной России [3, 6, 10], в условиях диаспоры часто либо не имеют аналогов, либо представлены фрагментарно. Это реализуется как в очевидных, бросающихся в глаза проявлениях, так и в незаметных на первый взгляд. Например, транспорт, скамейки, лестницы и другие объекты городской среды как рекламные носители в условиях Эстонии «охвачены» русским языком в очень малой степени. В какой-то мере такие практики встречаются в регионах со значительным или преимущественно русским населением, в других же практически отсутствуют. Спецификой диаспоры здесь становятся, скорее, не особенности речевого материала, но сам факт его наличия или отсутствия, а также степень распространенности. Еще один очевидный пример – игровые практики в СМИ,

рекламе, в городской ономастике и т. д., широко распространенные в современной российской действительности и неоднократно становившиеся объектом изучения. Сопоставление на русском языке российского и эстонского материала свидетельствует о меньшей оценочности и экспрессивности последнего, об ином характере игровых практик. Игровое начало, разумеется, существует в речи всегда, имеет оно место, как и соответствующие практики, и у нас, особенно в некоторых сферах, однако оно не является яркой чертой местной русской речи. Общий эстонский фон более нейтрален, менее оценочен и субъективно окрашен, что влияет и на местный русский. В то же время в наших условиях появляются практики, отсутствующие или имеющие иную реализацию в российской действительности, многие из них вызваны не сосуществованием языков, а другими причинами. Нас же сейчас интересуют те, которые обусловлены прежде всего ситуацией постоянных языковых контактов.

Наиболее очевидной практикой такого рода является частичная или полная смена языка в процессе речи, или переключение кода, что неоднократно описывалось в исследовательской литературе, в том числе и на эстонском материале [20], поэтому в данной статье переключение кода отдельно рассматриваться не будет. Остановимся на частично совпадающей с переключением кода, однако, как нам кажется, реализующей иной механизм дискурсивной практики, характерной для ситуации сосуществования языков: на регулярном функционировании текстов на двух (иногда и более) языках, или текстов билингва (далее ТБ).

Некоторые особенности организации и функционирования ТБ на местном материале рассматривались нами в [6, 10]. В первой из указанных публикаций дана предварительная характеристика ТБ, во второй – рассматривается их функционирование в интернет-среде на примере новостного портала на русском и эстонском языках. Рассмотрим сейчас иной аспект, который еще не становился предметом специального анализа, однако прежде кратко охарактеризуем ситуацию в целом.

ТБ обычно определяется как «текст на двух языках, один из которых представляет собой перевод другого: надписи-переводы на двух языках на древних каменных плитах, словарные статьи двуязычного словаря, параллельные тексты Евангелия на церковнославянск. и рус. языках, текст инструкции по использованию аппарата, механизма, лекарственного препарата и т. п. на двух языках» [15]. Как отмечалось в указанных выше публикациях, ТБ широко распространены в современных эстонских условиях. Они представлены, например, в виде интернет-сайтов государственных учреждений (сайты президента Эстонии, правительства, министерств, департаментов и др.), учебных заведений, частных фирм, общественных, спортивных, культурных, политических и прочих организаций; в виде учебных материалов для эстонской и русской школ, двуязычных газет, полицейской, судебной и прочей документации, почтовых, банковских, торговых и прочих бланков на бумажных и электронных носителях, надписей на упаковках товаров, инструкций по пользованию бытовой техникой, театральных и прочих программ, буклетов, субтитров с переводом к кинофильмам, телепередачам, рекламы, устных объявлений на различных мероприятиях и т. д. Полностью перечислить все ТБ, актуальные для местных условий, практически

невозможно. В своем инварианте их составляющие, то есть русский и эстонский тексты, идентичны, например:

Эст.: *Kogu vajalik info elektrienergia ostmise kohta alates elektripakettidest kuni ülevaateni elektrituru toimimisest. Kõiki toiminguid elektrilepingu sõlmimiseks ja muutmiseks saate teha lihtsalt ja kiirelt siinsamas meie e-teeninduses.* / Рус.: *Вся необходимая информация о покупке электроэнергии, от пакетов и до обзора ситуации на рынке. Все действия, связанные с заключением или изменением договора купли-продажи электроэнергии, вы можете быстро и просто совершать в нашей системе электронного обслуживания (www.energia.ee).*

Приведенный пример – это начальные предложения одного из разделов сайта энергетической компании. В нем, как и во множестве других случаев, тексты на двух языках практически совпадают, различаясь, разумеется, в деталях (лексических, грамматических, стилистических), обусловленных переводом, и спецификой языков. Подобные параллельные тексты можно обнаружить во всех перечисленных выше и многих других сферах. Однако ТБ функционируют в сочетании с множеством экстралингвистических факторов, являясь живой речью, дискурсивной практикой, и потому, как любая практика, далеко не всегда соответствуют исходному варианту. В [10] нами была рассмотрена трансформация ТБ как дискурсивной практики на примере новостного портала, где исходный текст на двух языках развивается в комментариях читателей на эстонском и русском языках, открывающихся на сайте вслед за текстами новостей. Комментарии не являются текстами билингва, однако их «продолжают», что можно рассматривать как варьирование дискурсивной практики билингва. Примеров, демонстрирующих разные варианты трансформаций исходного ТБ, множество, однако сейчас, как уже отмечено выше, остановимся на другом аспекте, который в целом можно охарактеризовать как проблему установления исходного языка текста и направленности его перевода/переводов.

В современном глобализованном мире одинаковые или однотипные параллельные тексты во множестве сфер человеческой деятельности появляются на разных языках. В Эстонии мы тоже регулярно имеем дело с текстами, сосуществующими не только на двух наиболее распространенных в нашей стране (билингва), но и на нескольких языках. Наряду с эстонским и русским текстами есть их аналоги на английском или на регионально близких (финском, латышском и литовском), часто и на других языках. Например, сайт Тартуского университета имеет варианты на эстонском, русском и английском (www.ut.ee), сайт научно-популярного центра АХХАА в Тарту функционирует на эстонском, русском, английском, финском и латышском языках (www.ahhaa.ee), инструкции по использованию продающейся бытовой техники могут содержать параллельные тексты на десяти и более языках и т. д. В этой связи возникают вопросы об исходном языке, о процессе осуществления перевода, о направленности и характере перевода, о восприятии таких текстов, – чаще, когда мы имеем дело с текстом, исходно связанным не с Эстонией. Рассмотрим конкретный пример так называемого «обыденного» языка – текст на упаковке крема для рук. Произведен в России, и потому наиболее развернутый текст – на русском языке. Небольшой фрагмент:

Крем БАРХАТНЫЕ РУЧКИ питательный для рук. Специальная формула крема разработана для интенсивного питания и смягчения кожи рук. Комплекс эффективно действующих компонентов: масло ши, провитамин В5 и масло авокадо – оказывает увлажняющее и успокаивающее действие, питает кожу, повышает ее эластичность. Ваша кожа потрясающе гладкая, нежная и бархатистая, излучает молодость и красоту <...>

На упаковке же есть более краткие тексты на украинском и казахском языках:

Крем «Бархатніє ручки» живильний для рук. Застосування: наносьте на шкіру рук у будь-який час. Після відкриття використати протягом 6 місяців. Використати до: див. на упаковці. Виробник: ТОВ Концерн «Калина», Росія 620138, Єкатеринбург, вул. Комсомольська, 80.

Қолға арналған БАРХАТНЫЕ РУЧКИ қоректі кремi. Пайдаланылуы: кез-келген уақытта қол терісіре жағыңыз. Ашылған соң 6 ай көлемінде қолданыңыз. Жарамдылық мерзімі: қорабына қараңыз. Жасал шығарушы: Концерн «Калина» ЖШҚ, Ресей, 620138, Екатеринбург қ., Комсомольская көш, 80.

Это не переводы русского «оригинала», а сокращенные его варианты, как и текст на эстонском языке с предваряющим предложением на русском, который имеется на отдельной наклейке на упаковке:

Крем БАРХАТНЫЕ РУЧКИ питательный для рук / Toitev kättekreem sametised käekesed. Kasutamise: kandke kätele igal ajal. Koostis/Ingridents: vt. Pakendilt. Pärast avamist kasutada 6 kuu jooksul. Parim enne/ Partii number: vt. Pakendilt. Valmistaja: OÜ Kontsern „Kalina“, Venemaa 620138, Ekaterinburg, Komsomolskaja tn. 80.

Текст на эстонском (содержащий ошибки) полностью соответствует украинскому и казахскому вариантам, однако трудно предположить, что в Эстонии делался перевод с украинского или казахского. Возможно, где-то существует аналогичный краткий текст и на русском, однако адресату-покупателю он недоступен. Этот простейший пример отражает многочисленные подобные соотношения текстов в разных сферах: СМИ, реклама, субтитры и звучащие переводы фильмов, передач на спутниковых телеканалах, разного рода инструкции к бытовым приборам, компьютерной технике, автомобилям и т. д., сайты, функционирующие не на двух-трех, а на десятках языков, как, например, системы бронирования отелей или авиабилетов и многое другое. Очевидно, что такие параллельные тексты следует рассматривать не только с точки зрения перевода, но и как дискурсивные практики, имеющие многочисленные варианты реализации. Видимо, значимость таких практик в странах, где регулярно используются несколько языков, возрастает; результаты же существования этих практик порой непредсказуемы. Рассмотрим частный пример. И профессиональными исследователями, и обычными носителями русского языка в Эстонии неоднократно отмечалось множество формальных графических, грамматических, лексических и иных ошибок; стилистически и прагматически неудачных переводов наименований товаров в текстах прикладного характера, в частности в бумажных и электронных рекламно-информационных изданиях торговых сетей, продающих товары массового спроса: продукты, мелкие хозяйственные товары и пр., например: *мясные шарики, сушеные абрикосы, скатерть на рождественские темы,*

дворовая свеча, сетка для дров, чугунный горшок и т. п. Подобные наименования обычно являются переводами с эстонского, что уже рассматривалось ранее [4, 14] и не будут затрагиваться сейчас, важно лишь подчеркнуть наличие довольно большого числа неудачных или просто неправильных переводов. В похожих, на первый взгляд, рекламно-информационных изданиях торговых сетей, предлагающих бытовую технику, электронику, строительные товары и т. п., картина иная. Наименования и характеристики товаров на русском языке по большей части не только вполне корректны, но часто точнее и более развернуты, чем эстонские. Последнее особенно заметно в электронных версиях изданий, что позволяет дать более полную характеристику товара. Так, в следующем примере полностью приведен текст, имеющийся на эстонском языке, и лишь часть текста – на русском, который не приводим целиком ввиду большого объема:

Tahvelarvuti iPad mini 32 GB, Apple / 3G & Wi-Fi Tootekood: MD541HC/A iPadi ostjale kingiks. JBL J56BT Bluetooth kõrvaklapid väärtusega 149€. Täielik iPadi kogemus. Seda on vähem, kuid mitte midagi pole puudu. Kõik, mida armastad iPadi puhul - imeilus ekraan, kiire ning veatu esitus, Face Time ja iSight kaamerad, tuhanded hämmastavad rakendused, 10-tunnine aku vastupidavus - leiad ka iPad mini varustusest. Ja saad seda vaid ühes käes hoida. / Планиет iPad mini 32 ГБ, Apple / 3G & Wi-Fi Код товара: MD541HC/A Каждому покупателю iPad в подарок. Беспроводные наушники JBL. Apple представляет iPad mini. Новый iPad четвертого поколения с дисплеем Retina оснащён более быстрым чипом A5, камерой FaceTime HD и технологией скоростной беспроводной передачи данных. Новый iPad mini на 23 процента тоньше и на 53 процента легче по сравнению с iPad третьего поколения. Новый iPad mini оснащается потрясающим дисплеем Multi-Touch с диагональю 7,9 дюймов, камерами FaceTime HD и iSight, технологией беспроводной передачи данных и обеспечивает невероятные 10 часов работы от батареи: по всем параметрам это – всё тот же iPad в каждом дюйме, но с абсолютно новым корпусом, который легко держать в одной руке <...> (www. euronics.ee)

В сопоставлении этих примеров легко заметить, что в русском тексте характеристика гораздо полнее, а потому он не может быть переводом с эстонского языка. В бумажном варианте издания, где дается минимальное описание товара, русский текст может выглядеть как перевод эстонского. Однако если рассматривать не просто текст, а именно дискурсивную практику, живое функционирование, то неизбежно обращение и к электронному варианту, где, как отмечено выше, картина иная и даже парадоксальная на первый взгляд. В переводе «простых» наименований товаров повседневного спроса встречается множество ошибок, тогда как более сложные наименования более правильные. Такое соотношение эстонского и русского текстов объясняется, в частности, тем, что указанная торговая сеть, как и большинство подобных сетей и производителей товаров, функционирует в ряде стран (Германия, Латвия, Литва и др., в том числе, возможно, и Россия), тогда как адресатами русского текста являются русскоязычные жители этих или любой другой страны. Где создан этот русский текст, переводом с какого языка он может являться и как отразилось это на языковых средствах, – предмет специального исследования в каждом конкретном случае. Нас же сейчас интересует явление в целом, обусловленное процессами

глобализации и специфически проявляющееся в разных регионах и странах, в нашем случае – в Эстонии. Точно так же необходимо прояснение «темных мест» в процессе создания билингва или «псевдобилингва» текстов и с точки зрения анализа эстоноязычного материала. В отношении русского языка этот вопрос на местном материале предметом специального рассмотрения еще не был, так что целью настоящей статьи явилась сама постановка вопроса.

Ситуация языковых контактов, отразившаяся в функционировании параллельных текстов на нескольких языках, порождает иные дискурсивные практики, одной из которых можно считать языковую рефлексию. Как известно, она является постоянной составляющей речи, реализуемой, в частности, в так называемых рефлексивах – «относительно законченных метаязыковых высказываниях, содержащих комментарии к употребляемому слову или выражению» [2. С. 8]. В условиях сосуществования языков такая рефлексия неизбежно актуализируется, поскольку она регулярно начинается уже с необходимости выбора языка (эстонский/русский) или более тщательного подбора языковых средств, например, когда человек, говорящий по-русски, не знает эстонского языка и обращается к человеку, плохо знающему русский. Если говорящий хочет, чтобы его поняли, он, возможно, будет более осознанно относиться к своей и чужой речи: говорить медленнее, подбирать более «простые» слова, фразы или иным образом достигать взаимопонимания. Подобные ситуации, регулярные в наших условиях, становятся причиной повышенной рефлексии, ведущей к появлению в речи большего количества рефлексивов, что мы видим в следующем разговоре, демонстрирующем как описанную выше ситуацию с ТБ, так и языковую рефлексию (А., Б., В. – участники разговора):

А. *Надо на пуса сходить // он будет с титрами* Б. *А-а-а В. На эстонском языке А. Ну ничего / думаю она переживет В. Говорить будут по-эстонски А. И что? Б. Кот говорит по-эстонски (смеется) А. Да / это очень смешно на самом деле // я помню мы когда смотрели этого / смотрели «Алису в стране чудес» В. Да А. На эстонском / это было очень стремно что Джонни Депп говорит по-эстонски (смеется) Б. То есть говорит по-эстонски / тока субтитры русские? В. Да А. Скорее всего так Б. А-а-а А. Хотя может будет и на английском с эстонскими и русскими В. Надо будет посмотреть Б. А тупо русского нет / я так поняла? А. Конечно нет.*

Проведенный ранее специальный анализ разговорной речи [5] показал, что во всех рассмотренных записях есть метаязыковые единицы, выполняющие разные функции. Значительную часть этих единиц составляют высказывания метаязыкового характера, связанные с местной спецификой и отражающие ситуацию сосуществования языков. Содержание последних чаще всего было следующим:

1. Затрагивалась, комментировалась языковая / коммуникативная ситуация: *И мы / писали контрольную // ну препод такой смешной / говорит учите все / что-нибудь попадет // Это вообще маразм / и так на эстонском все / вся эта химия // так еще не конкретно / то есть не сказать нормально ему что нам учить! //; На каком языке тут лучше?; Да там на любом языке можно!*

2. Обсуждалось значение эстонских или других иноязычных слов, словосочетаний и соответствующих им русских единиц, их перевод, например: *Надо это /*

как его / прямое платежное поручение так называемое сделать; Вот / опять у них глупость полная / ... вино географической принадлежности / С ума сойти можно; Как все эти пыхикооли ('основная школа') по-русски?

3. Характеризовалась чья-либо речь на каком-то из языков, например, в следующем диалоге А. и В.: В. *Слушай / ты же с эстонским акцентом говоришь* А. *Я знаю / ты понимаешь / когда все дни говоришь на эстонском / сидишь дома ...* В. *Ты же в школе на-а-а / по-русски* / А. *В универ / нет / ну конечно на русском говорю // э-э-э* В. *А потому что дома / у меня тоже так было ...* А. *Да да да да* / В. *На втором или на третьем / когда я не ездила вообще домой / Ну все время в школе / в школе / в школе с эстонским / И вот у меня то же самое было / прихожу / ни бэ ни мэ / вот так вот ...* А. *Да да да / да точно* / В. *А щас / ну домой ...* А. *Я даже теперь знаешь // когда говорю / я начинаю переводить с эстонского на русский // Это так ужасно // так конструкцию предложения ...* В. *Коряво ...* А. *Да / коряво так получается.*

В ходе нашего исследования были проанализированы также записи речи носителей говоров, жителей эстонского побережья Чудского озера, опубликованные в сборниках, посвященных языку и культуре староверов Эстонии [13, 19]. Этот материал тоже изобилует метаязыковыми единицами, разнообразными по форме, содержанию и функциям. Среди тех, что обусловлены ситуацией языковых контактов, наиболее частотны следующие:

1. Характеризуется, обсуждается чье-либо знание языков: *Я по-эстонски плохо говорю, а понимаю. Я с эстонцами нигде не обращалась гораз, только что дома. Кто ходил в поле да в работники, так те-то хорошо с эстонцами, знают. Маша, тая хорошо по-эстонски говорит; Хозяин немножко умел по-русски, так вот скажет, как.*

2. Обсуждается, переводится, комментируется значение слов и выражений: *А десятник – тогда в нас кюмником его звали, руководитель. Кюмник – десятник по-русски; А вот по строительству у мужиков: мастерок – кельма, бревна – это бальки, шибер – это задвижка.*

3. Описывается коммуникативное и ему сопутствующее иное поведение: *Жили так спокойно. Приходили эстонцы, придут покажут, которо слово русское, которо эстонское скажут; А заругаемся – она меня: «Vene tõbla!» Я говорю: «Kázepя usсь!» Ну, vene tõbla – это значит вроде как тля или гнида, а я её: «Казепельский змей!» Тогда походим: «Frosja! Nakkame koos mängima!» ('Фрося! Давай будем вместе играть!') – «Не будешь ругаться?» – «Ei!» – «Ну, давай!» И мы дружили.*

Этот же параметр – языковая рефлексия – были проанализированы в письменных текстах, большинство авторов которых профессионально не связаны с языком и, следовательно, представляют «обыденное» языковое сознание. Таким материалом стали мемуары русскоговорящих или двуязычных жителей Эстонии, охватывающие период с нач. 1920-х до 2000-х гг. Для этих текстов также характерна постоянная языковая рефлексия, в том числе связанная с местной языковой ситуацией. Авторы мемуаров чаще всего затрагивают следующие темы:

1. Общая языковая ситуация: «... в обиход входило два или даже три языка: эстонский, русский и немецкий.» [1. С. 182.]; «... моя родина – это край, где боль-

шинство названий употребляется на двух языках. За примерами далеко ходить не надо: озеро Чудское и Peipsi, реки Пимжа и Нарова – Piusa и Narva, города Псков и Pihkva, Юрьев и Tartu, Изборск и Irboska, Печоры и Petseri, Сыренец и Vasknarva.» [17. С. 221];

2. Коммуникативная ситуация, речевое поведение: *«Во время успехов белых хуторяне были очень милы и разговаривали всегда по-русски. Когда положение на фронтах менялось, хозяева вообще переставали с вами разговаривать, а если говорили, то на своем наречии. Это было очень характерно. Отец сразу говорил, что «значит, неудача у белых, о которой мы еще не знаем, раз сегодня со мной говорили только по-ингерманландски.»* [1. С. 126]; *«Говорила мама со всеми по-русски. Большинство эстонской интеллигенции того времени получало образование в Петербурге, и знали они язык не хуже мамы.»* [16. С. 160];

3. Знание/незнание языков: *«Русского языка он не знал, и ему было разрешено министерством читать лекции на немецком языке.»* [12. С. 25]; *«По-русски она не говорила, нами командовала, прекрасно готовила и любила блеснуть, но предварительно всегда устраивала маме сцену протеста, когда слышала, что будут гости.»* [12. С. 45-46]; *«Куприянов был сапожник, русский, но обэстонившийся, он был женат на эстонке, много говорил по-эстонски дома, но сохранял русский язык.»* [1. С. 160].

4. «Изучение» языка: *«Лет пяти-шести, живя в Верро и играя со своей одноклассницей, дочерью церковного сторожа, летом, на куче песка, мама свободно заговорила по-эстонски.»* [12. С. 23]; *«Там приказ был строгий – ни одного слова между собой по-русски. Провинившихся наказывали. Учитель полагал, что только так можно быстро освоить язык. Может, он был прав. За год уже многие стали сносно говорить по-эстонски. Дома мы говорили на двух языках.»* [17. С. 65].

Обобщение результатов анализа разговорной речи, говором и мемуарной литературы свидетельствует о наличии в нем повторяющихся основных компонентов «дискурса о языке», что позволяет сделать предварительный вывод о возможности смоделировать типовой «метаязыковой дискурс». Компоненты его следующие:

Имеется общая / частная ситуация сосуществования языков, наблюдается их функциональное распределение. Единицы и средства разных языков определенным образом соотносятся, «переводятся». Люди каким-то образом выучили / не выучили тот или иной язык. Люди в той или иной степени владеют / не владеют этими языками. В речи реализуется взаимодействие языков. Общая или частная ситуации побуждают каким-то образом использовать эти языки. Требуется или возможно пояснение / комментирование / обсуждение слов, выражений / форм, норм и пр. Люди определенным образом действуют в этой ситуации / выбирают коммуникативное и речевое поведение. Имеющуюся ситуацию можно оценить.

Типовой текст, своего рода инвариант, реализуется на практике в частных вариантах, что «превращает» его в дискурсивную практику. Конкретный автор в конкретных условиях, говоря о языке/речи, может создать текст, содержащий либо все названные компоненты, либо некоторые из них. Каждый компонент может быть представлен в развернутом или сжатом виде; последовательность компонентов варьируется; помимо перечисленных основных составляющих типового текста могут появляться частные. Приведенные выше примеры на русском

языке естественно в той или иной степени касаются и эстонского языка, ср.: *и так на эстонском все; все эти пыхикооли; с эстонским акцентом; по-эстонски плохо говорю; кюмник, кельма, бальки; которо слово русское, которо эстонское, много говорил по-эстонски* и т. д. Можно сказать, что эстонский язык отражается в «зеркале» русского метаязыкового дискурса.

Таким образом, исследование дискурсивных практик русской диаспоры Эстонии, обусловленных местными или глобальными факторами, позволяет в ряде случаев, как нам представляется, по-новому взглянуть и на некоторые особенности эстонского языка в его живом повседневном функционировании. Сосуществование эстонского и русского – в меньшей степени других – языков в стране, нескольких языков в регионе и множества языков в Европе и мире формирует новые дискурсивные практики, полноценный анализ которых не может осуществляться с позиции одного языка, а требует комплексного подхода.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Андреев Н. Е.* То, что вспоминается. Т. 1. Таллинн: Авенариус, 1996. 336 с.
2. *Вепрева И. Т.* Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. 384 с.
3. *Иссерс О. С.* Новые дискурсивные практики в современной России // *Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. XII. Активные процессы в русском языке метрополии и диаспоры.* Тарту: Изд-во Тартуск. ун-та, 2009. С. 260–276.
4. *Костанди Е. И.* Прагматика перевода атрибутивных словосочетаний // *La lengua y literatura rusa en el espacio educativo internacional: estado actual y perspectivas.* Sankt-Peterburg – Granada: МИРС, 2007. С. 161–66.
5. *Костанди Е. И.* Метаязыковые единицы в разговорной речи диаспоры // *Scientific Papers University of Latvia. Linguistics.* 2012. № 772. С. 16–23.
6. *Костанди Е. И.* Дискурсивные практики в условиях языковых контактов // *Актуальные проблемы контактной лингвистики и славянского языкознания.* Рига: Изд-во Латв. ун-та, 2013. С. 82–94.
7. *Костанди Е. И.* К вопросу о «слабых участках» языковой системы: язык диаспоры // *Гуманитарные чтения РГГУ 2012. Россияведение. Общественные функции гуманитарных и социальных наук. Гуманитарное знание и образование: Сб. материалов.* М.: Изд-во РГГУ, 2012. С. 34–46.
8. *Костанди Е. И., Кюльмоя И. П.* О русском языке современной Эстонии // *Русский язык зарубежья.* СПб.: Златоуст, 2013. С. 85–106.
9. *Костанди Е. И.* Русский язык в современной Эстонии: функционирование, изучение, специфика // *Слово.ру: Балтийский акцент.* 2013. №1. С. 7–23.
10. *Костанди Е. И.* Дискурсивные практики в условиях языковых контактов: тексты билингва. М.: Изд-во РУДН, 2014. С. 87–95.
11. *Кюльмоя И. П.* Специфические черты языка русской диаспоры Эстонии // *Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. III. Язык диаспоры: проблемы и перспективы.* Тарту: Изд-во Тартуск. ун-та, 2000. С. 84–93.
12. *Милютин Т. П.* Люди моей жизни. Тарту: Крипта, 1997. 416 с.
13. *Паликова О. Н.* Русский язык в рекламных каталогах Эстонии // *Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. XII. Активные процессы в русском языке метрополии и диаспоры.* Тарту: Изд-во Тартуск. ун-та, 2009. С. 143–168.

14. Паныкин В. М., Филиппов А. В. Языковые контакты. Краткий словарь. М.: Флинта, 2013. 160 с.
15. Плюханова М. С. «Мне кажется, что мы не расставались ...». Таллинн, 1997. № 8–9. С. 151–168.
16. Рассказы о своей жизни. Жизнеописания эстоземельцев. Таллинн: Александра, 2005. 320 с.
17. Щаднева В. П. Характеристика современного эстонско-русского перевода утилитарных официально-деловых текстов // Русистика и современность. Сб. научных статей. Рига: Изд-во Балт. международн. академии, 2011. С. 540–545.
18. Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. X. Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. II. Тарту: Изд-во Тартуск. ун-та, 2007. 376 с.
19. *Zabrodskaia A.* Russian-Estonian Language Contacts: Grammatical Aspects of Language Use and Change. Tallinn: Tallinn University, 2009. 74 s.
20. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия. 1998. 685 с.

Поступила в редакцию 27.01.2015

J. Kostandi

Specificity of discursive practices in the situation of language contacts

The article continues the series of the author's publications devoted to the peculiarities of speech and communicative behavior in the situation of the language contacts. The peculiarities of the Russian diaspora speech in Estonia and new speech practices, which were studied by the researchers before, are studied on the basis of the concept "discursive practices". Some kinds of discursive practices which are typical for the situation of the language contacts and the specifics of Russian diaspora are revealed and analyzed by the author. The main idea of the report is that the peculiarities of the diaspora language which are manifested by the language means and units are the result of the specific character of the local discursive practices. Consequently, the author suggests that it is necessary to take into account the type of the discursive practices when the diaspora language is analyzed. It is proposed to identify the general features of these practices such as code switching, meta-language reflection, bilingual texts, etc.

Keywords: the Russian language, diaspora, language contacts, the Estonian language, discursive practices.

Костанди Елизавета Илмаровна,

кандидат филологических наук, доцент,

Тартуский университет

51003, Эстония, Тарту, Лосси, 3

E-mail: jelizaveta.kostandi@ut.ee

Kostandi Jelisaveta,

Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor,

University of Tartu

51003, Estonia, Tartu, Lossi 3

E-mail: jelizaveta.kostandi@ut.ee